

Много раз впоследствии слышал я Ленина, но ни разу особенности его речи не представлялись мне в столь отчетливом виде, как на этом его докладе в защиту бойкота Государственной Думы.

И не на меня одного, да всех слушателей его доклад произвел неотразимое впечатление. Казалось, что и вопроса не могло быть о пересмотре тактики по отношению к Государственной Думе.

Разумеется, нужно оставить в силе резолюцию декабрьской конференции!

Разумеется, бойкот!

После доклада Ленина были прения, но прения особого рода: «оппоненты» во всем соглашались с докладчиком и лишь приводили новые соображения в пользу его выводов. Говорили о московском восстании, о безработице, о настроениях в деревне. Докладчик принимал все эти замечания, подчеркивая их значительность.

Мы расходились не только уверенные в спасительности бойкота предстоящих выборов, но и полные надежды, что эта тактика вернет нас к золотым октябрьским дням.

* * *

Вступая в избирательную кампанию с лозунгом бойкота Государственной Думы, мы надеялись сорвать Виттескую Думу, подобно тому, как была сорвана в 1905 году Дума Булыгина. От этих надежд вскоре пришлось отказаться. Уже в марте стало ясно, что бойкот проходит исключительно в рабочей курии, и что нечего думать о том, чтобы помешать созыву Думы в назначенный срок. Из средства «срыва» Государственной Думы, бойкот превратился в форму борьбы с «конституционными иллюзиями», являющимися помехой для восстания.

Меньшевики в вопросе о Государственной Думе заняли другую позицию.

Я не знаю, как вырабатывалась их тактика и как обосновывалась она на меньшевистских собраниях. Но на межфракционных дискуссиях меньшевики отстаивали свою точку зрения как-то неуверенно, — будто сами сомневались в правильности ее, и это представляло разительный контраст с прямолинейной, решительной аргументацией Ленина.

Вопрос об участии социал-демократии в выборах меньшевики отделяли от вопроса об участии в Государственной Думе. Они не предлагали участвовать в Думе, но не предлагали и не участвовать в ней, — а просто обходили этот вопрос, как несвоевременный, еще практически не поставленный жизнью.

Для меньшевиков все сводилось к вопросу о поведении на первых стадиях выборов. И здесь они противопоставляли бойкоту свою тактику: выставление кандидатов, избрание уполномоченных и выборщиков.

В пользу этой тактики, — в пользу участия в выборах, но отнюдь не в пользу участия в Государственной Думе, — приводились соображения трех родов: 1) относительно агитации и политического воспитания народных масс, 2) относительно мобилизации революционных сил, 3) относительно реорганизации партии (путем создания легальных избирательных комиссий и комитетов).

Каждый довод в отдельности казался довольно убедительным. Убедительными представлялись также соображения о нецелесообразности в широком масштабе активного бойкота выборов и о недостаточности пассивного бойкота.

Но все эти аргументы превращались в ничто, лишь только противники ставили меньшевикам вопрос:

— Что же, в конце концов, вы предлагаете? Идете вы в Государственную Думу или нет?

На этот вопрос у меньшевиков не было ответа.

И Ленин побивал меньшевистскую тактику полубойкота, заявляя: